

Злата Иволга

←—————→

ЛОВУШКА ДЛЯ ЭМИРА

16+

Злата Иволга
Ловушка для эмира
Серия «Змеиное гнездо», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67087684

SelfPub; 2022

Аннотация

Прошло уже шесть лет с тех пор, как эмир Ибрагим занял трон в охваченной смутой Суриде. Однако не все заговорщики уничтожены и только и ждут случая, чтобы поднять головы. Древний обряд сватовства эмира дает им шанс, ведь это неподходящее время разгадывать загадки. Сможет ли Ибрагим вычислить пособника зачинщика смуты, справиться со свалившимися на его голову странными обстоятельствами и сохранить свою жизнь? Третья и заключительная повесть-приквел к роману-дилогии «Змеиное гнездо». Действие происходит приблизительно за девяносто лет до начала событий романа.

Злата Иволга

Ловушка для эмира

I

«Первейшая обязанность повелителя – сохранять в государстве мир, порядок, заботиться о процветании земель и не забывать о нуждах подданных. Мудрость, добропорядочность, справедливость, храбрость – вот основа его власти. И готовность в случае необходимости пожертвовать своим благополучием во имя сохранения порядка в государстве и самого государства».

Эмир Ибрагим успел напомнить себе цитату из трактата основателя династии уже три раза, прежде чем стражник вновь показался на пороге его покоев.

– Повелитель, посыльный от Идриса паши все еще дожидается.

Ибрагим обреченно покосился на склоненную голову верного слуги и нашел в себе силы наконец-то кивнуть.

– Зови.

Он соскочил с широкой софы, одернул кафтан и одним движением скользнул к устланному мягкими расшитыми покрывалами низкому дивану, возле которого обычно принимал посетителей. «Пожертвовать своим благополучием», – еще раз повторил про себя Ибрагим.

– Эмир хазретлери эфенди, – низко поклонился вошедший человек с бледным озабоченным лицом. – Идрис паша просил передать вам этот документ лично в руки с тем, чтобы...

– Я знаю, что это, – прервал его Ибрагим и, видя недоумение посыльного, нетерпеливо протянул руку и прищелкнул пальцами.

– Эээ... – окончательно растерялся посыльный, протягивая длинный футляр, расписанный цветами и птицами. – Паша составил документ с одобрения Мелек эмирын и Первого Визира и ждет ваших поправок, повелитель, и...

– Я понял, – ответил Ибрагим, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. Не хватало еще тяжело вздохнуть перед одной из канцелярских крыс Идриса паши. – Ты можешь идти.

Глазки посыльного забегали. Похоже, он передал своему повелителю не все. Он быстро поклонился и покинул покои, оставив эмира наедине с проклятым документом.

Ибрагим бросил бумагу на стол, заваленный кистями и специальными дощечками для рисования миниатюр, словно ядовитую змею. Но через минуту, обойдя комнату, от высоких резных дверей, ведущих в коридор, до арки в опочивальню, вновь напомнил себе о долге повелителя, и смело взял документ в руки.

Десять имен. Их должно остаться всего десять. Ибрагим пробежал глазами по предложенному списку, зацепился за четыре имени, звучание которых вызывало в памяти хотя бы

лица, не нашел там ни одного, которое навевало воспоминания и эмоции, и, чуть поколебавшись, потянулся к перу и чернильнице, вычеркнул строчку и заменил ее другой. Затем быстро разогрел на свече воск, капнул им на бумагу и поставил оттиск массивного перстня, украшавшего средний палец левой руки. Вот так. И незачем колебаться. Должен же эмир немного оспорить решение пашей, чтобы не сильно зазнавались. Даже если это решение повлечет за собой возможные проблемы.

И ради этих нескольких минут он столько мучился и, страшно сказать, боялся пускать посыльного? Точнее, не боялся, это слово недостойно повелителя Суриды. Просто не хотел. Крайне недовольный собой, Ибрагим подул на печать и помахал бумагой, чтобы воск остыл быстрее.

– Стража!

– Повелитель.

– Доставьте это Мураду паше и скажите, что завтра после обеда я жду его у себя.

Ибрагим посмотрел на закрывшуюся за стражником дверь, дошел до софы и лег, широко раскинув руки и ноги, чувствуя, как постепенно уходит напряжение спины и плеч.

Мурад паша будет огорчен. Более того, он рискнет поучать своего повелителя, убеждая, что тот сам навлекает на себя неприятности. И будет прав.

II

– Дочь бея Кушлара Садыка ханым девятнадцати лет, – монотонно перечислял Мурад паша, почти не глядя в список, который наверняка успел выучить наизусть. – Дочь илехандского князя Хильде... – он запнулся, – Хильдегарда Йенс двадцати семи лет... Повелитель, ее пришлось оставить, но вы ни в кое случае не обязаны жениться на ней. Это всего лишь дань уважения соседям.

Ибрагим кивнул. Он помнил рослую Хильдегарду и ее широкую жизнерадостную улыбку, показывающую белые крепкие зубы. При отборе убрали всех иноземных невест, а родовитую илехандку не тронули. Скоро будет шесть лет, как закончилась война, а Сурида все еще вынуждена извиняться за свое бездействие, в котором лично эмир Ибрагим виноват не был.

– Дочь бея Гёлэ, племянница Яхьи паши, Фирузе ханым...

– Это с ней произошел несчастный случай в Тусаре? – поинтересовался Ибрагим. Странно, как он не вспомнил об этом раньше.

– Да, повелитель. Ее покусали пчелы, и она чуть не умерла. Осмелюсь сказать, это была не случайность, а козни принцессы, ныне покойной родственницы герцога Доранте, неудавшегося жениха Фирузе ханым.

– Вот как, – иронично поднял брови Ибрагим. – А ее отец и Яхья паша не боятся снова затевать ее сватовство?

На пухлом лице Мурада паши проступило откровенное огорчение, и эмир впервые подумал, что Первому Визирю

мало удовольствия доставляет возня с невестами. Хотя сезон тому назад, когда составлялись списки претенденток, коих тогда было в три раза больше, Ибрагим был уверен, что Мурад паша втайне посмеивается над повелителем.

Недобрые духи бы побрали тех, кто придумал это традиционное сватовство правителя Суриды! Собирать множество молодых женщин во дворце, чтобы эмир мог познакомиться с каждой, разделить с ними трапезу и погулять в саду! И какой человек способен это выдержать? В результате из тридцати претенденток остаются десять самых достойных. Но и к их выбору эмир имеет мало отношения, потому что к этому времени он готов жениться хоть на исчадьё самых темных духов, лишь бы все закончилось. Хорошо хоть в случае Ибрагима власть старшей в роду женщины в этом вопросе была чисто символической.

– Повелитель, – мягко произнес Мурад паша. – Вам не стоит думать о плохом. Все эти годы мы пресекали любое дурное заговора, не говоря уж о попытках покушения. Так будет и в этот раз. – Он опустил глаза, намереваясь продолжить оглашение имен невест. – О, Шаллиах милосердная!

– В чем дело? – невинно спросил Ибрагим, зная, что Мурад паша наткнулся на ту самую строчку.

Маленькие, но выразительные глаза Первого Визиря с легко читаемой укоризной уставились на него.

– Лейла ханым, дочь шаха Ешилчима. Покойного шаха, смею уточнить, и воспитанница вашей мачехи. Как она ока-

залась в списке?

– К чему эти вопросы, паша? Я ее туда внес, как же иначе она могла там появиться? Нет. – Ибрагим остановил пытающегося возразить Первого Визиря коротким жестом. – Эта девушка вызывает подозрения, не спорю. Моя мачеха способна заслать ко мне убийцу под видом невесты. И в таком случае я считаю, что необходимо держать возможную опасность под присмотром.

Мурад паша, поджав губы, смотрел перед собой.

– Повелитель, стоит ли приманивать диких зверей в тщетной надежде на то, что они лягут под стрелы? Дикая Пчел... Зейлиха ханым едва не отобрала ваш трон, ввергнув страну в такую смуту, какой не видели много лет. Множество людей, в том числе пашей, шахов и беев, погибли или были казнены. И все это во время большой войны под боком, в соседнем государстве. Я не утверждаю, что Лейла ханым прислана с определенной целью. Зейлиха ханым может искренне желать пристроить воспитанницу или избавиться от нее...

– Однако ты сам не веришь в это, – продолжил за него Ибрагим. – И в то, что она хочет примирения, как было написано в сопроводительном письме. – Эмир оперся руками на стол, возле которого стоял, и внимательно посмотрел в теперь уже непроницаемые глаза Мурада паша. – Дикая Пчела. Мою мачеху следовало казнить вместе с ее главным сообщником, Бехрамом пашой, как и эмирана Касыма. Но я этого не сделал. Я не смог пролить кровь моего брата. И Зейлиха

жива только лишь потому, что она его мать. Она вне закона, вычеркнута из семьи и династии. Если эта Лейла ханым, – перед мысленным взором вновь пронесли усыпанное веснушками личико с печальными глазами цвета спелого ореха, мягкие медового цвета волосы под скромным светлым покрывалом и тонкие запястья, выглядывающие из рукавов, – действительно орудие моей мачехи, то я лично отрублю ей голову. А если нет – она имеет такое же право попасть в список десяти выбранных претенденток, как и несчастная Фирuze ханым.

Мурад паша невозмутимо выслушал речь Ибрагима, и только в конце по его губам скользнула еле заметная улыбка.

– Я вас понял, повелитель. Что ж, Лейла ханым поедет вместе со всеми к Небесному Колодцу, чтобы ожидать выбора Мелек эмирын и одобрения эмира Ибрагима хазретлери эфенди. А ваш покорный слуга присмотрит за ней. Усиленная охрана будет обеспечена, вокруг оазиса мы выставим оцепление янычар.

– Мурад паша, – тяжело вздохнул Ибрагим, садясь за стол. – Тебе не кажется, что оцепление это уже лишнее?

Первый Визирь молчал, и это не понравилось молодому эмиру. Он уже привык, что совет дивана, большей частью обновленный после смерти отца и последовавших за ней кровавых событий, считает своим долгом относиться к неопытному эмиру с некоторой долей снисходительности, а то и поучать его. Последнее время это происходило все реже. Иб-

рагим уже не был тем неуверенным молодым человеком, который занял престол в стране, охваченной смутой.

– Мурад паша, что ты скрываешь от меня? – прямо спросил Ибрагим.

– Халиль хан прислал весть из вилайета Ешилчим, – медленно, словно обдумывая каждое слово, начал говорить Первый Визирь. – Я не хотел тревожить вас, пока не закончится сватовство, повелитель, но если вы так настаиваете на Лейле ханым... – Он снова поджал губы, а на лице резко обозначились носогубные складки. – С тех пор, как вы назначили шахом Халиля хана, в Ешилчине беспокойно. Местные беи недовольны им, они привыкли к потомственным наместникам, которые правили вилайетом долгое время. Некоторые беи сватались к Лейле ханым, единственной дочери покойного шаха, но безуспешно. Халиль хан полагает, что их недовольство подогревает Зейлиха ханым.

– У него есть доказательства? – резко спросил Ибрагим. Вот только бурлений на задворках страны ему не хватало. – Или он просто не в силах наладить отношения с беями?

– Только подозрения, повелитель. И если бы не ситуация с Лейлой ханым, я бы не обратил на донесение внимания. Халиль хан тяжелый человек. – И Первый Визирь пожал плечами.

Ибрагим продолжал внимательно смотреть на своего самого надежного советника, человека, стоявшего рядом, когда он выводил страну из смуты, и ни разу не давшего повода

усомниться в своих навыках и способностях.

– Хорошо, – наконец, кивнул эмир. – Оцепляйте хоть оазис, хоть всю Поющую пустыню. А после церемонии и заключения помолвки вызови Халиля хана. Посмотрим, что он скажет.

Мурад паша медленно поклонился.

III

Разговор встревожил Ибрагима больше, чем ему вначале показалось. К вечеру того же дня, отужинав с Фирузе ханым, и сообщив, что завтракать он будет с Хильдегардой Йенс, эмир отправился в самую высокую башню дворца. Там, в роскошных покоях, уже несколько лет жил эмиран Касым, сын мятежной эмиры Зейлихи и брат Ибрагима. С внешним миром его связывали лишь слуги, изредка заходящие гости и огромные окна. Кое–кто во дворце шептался, что казнь была бы милосерднее такого заточения, но Ибрагим не мог заставить себя убить брата. Он не виноват, что в матери ему досталась такая женщина, как Дикая Пчела.

Касым уже распахнул окно, за которым стремительно темнело небо, и возился возле своего телескопа, что-то протирая и подкручивая. Это поражающее размерами изобретение было пожаловано эмиру Суриды магами из Третьей Башни, а они, по слухам, получили его в наследство из теперь уже разрушенной и разграбленной Пятой. Вторая Башня выразила желание купить телескоп, однако к этому времени им

уже заинтересовался эмиран Касым. Ибрагим решил дело в пользу брата, которому и так жилось не сладко.

– Повелитель? Рад видеть вас.

– Оставь, Касым, – поморщился Ибрагим. – Покажи лучше, что сегодня нового на небе.

Поведение брата служило первой причиной, почему эмир стал редко посещать его покои. Эмиран говорил только «повелитель» и не позволял себе ни единого намека на родственные отношения. Казалось, после вынужденного отстранения от мира, он сам закрылся от того, что там осталось.

Ибрагим с грустью слушал, как брат обстоятельно и бесстрастно, словно паша на докладе в диване, рассказывает о возможностях телескопа, о том, что он вычитал в последних книгах, доставленных из библиотеки той же Третьей Башни, о невидимых человеческому глазу диковинных созвездиях. Молодой двадцатидвухлетний человек, который должен радоваться и наслаждаться беспечной жизнью, а не книгами, а ночи проводить с девушками, а не со звездами, превратился в ученого сухаря. Эмир осторожно вздохнул и как можно теплее улыбнулся брату.

– Я пришел кое–что сообщить тебе, Касым. – Настороженный взгляд темно–серых глаз. – Ты слышал, что я собираюсь жениться, и во дворце проходит смотр невест. Скоро я выезжаю к Небесному Колодцу. – Взгляд из настороженного превратился в откровенно испуганный, и Ибрагим почувствовал, как в горле стал горький комок. – И я хочу, чтобы

ты поехал со мной.

Глаза Касыма широко распахнулись, а рот приоткрылся. Сейчас он походил на того, кем на самом деле являлся – вчерашнего мальчишку.

– Правда? – тихо, не верящим тоном, спросил он. – Я поеду с тобой в Поющую пустыню?

– Поедешь, – кивнул Ибрагим, поневоле улыбаясь. – Я прикажу приготовить тебе самого смиренного коня.

– А как же?.. – Касым запнулся, и радостный взгляд потух. – Что скажут паши?

Ибрагим встал с топчана, прошелся до телескопа и задумчиво провел по нему рукой, размышляя, как ответить брату и стоит ли приоткрыть перед ним часть своего замысла, окончательно оформившегося только сейчас. Почему бы не познакомить эмира с невестами и не женить на той, чей муж будет наследовать родовые земли?

– Дело пашей – выполнять свой долг по отношению ко мне и государству, – сказал Ибрагим. – Не стану скрывать, они всерьез опасаются твоей матери, думают, что она готовит на меня покушение. – Он помолчал, наблюдая за братом, но тот только свел брови. – Я же считаю, что нам стоит поискать выход из положения, в котором мы находимся последние годы.

Щеки Касыма побледнели, и он обессилено прислонился к спинке низкого кресла.

– Ты берешь меня с собой только потому, что боишься оставлять во дворце, – глухо проговорил он.

– И поэтому тоже, – не стал возражать Ибрагим, сердце которого сжалось при виде обреченности на лице брата. – Но у меня есть и другие планы.

– Планы? – Внезапно выпрямился Касым. – Ты женишься, у тебя родится наследник, и я стану не нужен. Даже как заложник. Ты казнишь меня?

– Касым, – более резко, чем хотелось, отдернул его Ибрагим. – Если бы я хотел казнить тебя, то сделал бы это шесть лет назад. И твоя мать прекрасно понимает это, поэтому и пытается мутить воду в дальнем вилайете.

– Что она опять натворила? – испуганно спросил Касым. Эмир выругался про себя. Он поддался эмоциям и сказал лишнее.

– Пока ничего. Всего лишь слухи. И присланная во дворец невеста.

– О, – коротко произнес Касым, опуская голову.

– Езжай со мной и ничего не бойся.

Ибрагим подошел к брату и успокаивающе положил руки на его плечи.

IV

Двоюродный брат эмира Ибрагима, высокий и смуглолицый Карим хан эфенди, считал, что Поющая пустыня в начале Сезона Пчелы особенно прекрасна.

– Ни в одном месте в мире распускающиеся цветы не приносят такого благоухания, как на этой казалось бы мерт-

вой песчаной земле, ханым, – говорил он, сверкая белозубой улыбкой. – И если вы прислушаетесь, то сможете ощутить, как они тянутся к небу и солнцу, которое еще слишком слабое, чтобы выжечь их дотла.

Наверное, Карим хан эфенди не испытывал недостатка во внимании и уже привык, что множество девушек не могут оторвать от него глаз. И тем более иностранные дамы, едущие по обеим сторонам от восторженного молодого человека, и внимающие каждому его слову.

– К Хвосту Пчелы аромат исчезнет, а лиловые и желтые ковры обратятся в прах, чтобы воскреснуть в следующем году.

– В Сезон Змеи в пустыне очень жарко, не так ли? – светским тоном спросила герцогиня Розамунда, статная и очень красивая женщина с густыми каштановыми волосами, забранными под изящную шляпу с широкими полями. По-сурридски она говорила четко и почти без акцента.

– Жарче, чем в пламенном сердце вашего покорного слуги, – наклонил голову Карим, приложив к груди руку.

Илехандская герцогиня рассмеялась, кинув на него лукавый взгляд, а ее подопечная с непроизносимым именем Хильдегарда, одна из невест, смущенно потупила взор. Самая старшая из всех претенденток, высокая и крупная, она не сверкала красотой, а отличалась стеснительностью и неловкостью, чем вызывала частую жалость. Возможно, бедняжка хотя бы получит удовольствие от поездки, раз уж ее

шансы стать женой эмира так невелики.

Карим хан эфенди, явно наслаждаясь вниманием илехандских дам, принялся рассказывать об оазисе, куда все держали путь, о древнем суридском обычае сватовства и женитьбы эмира. О том, как старшая женщина в роду выберет достойнейшую из претенденток и проведет с ней предутренний час в беседе у Небесного Колодца, чтобы убедиться в правильности сделанного выбора. А ранним утром Ибрагим хазретлери эфенди вознесет молитву Шаллиах в маленьком храме оазиса, а после подойдет к Небесному Колодцу, чтобы принять из рук условной матери свою невесту.

О самом Кариме хане эфенди рассказывали, что он слишком красив, беспечен и всегда таким был. Сын сестры покойного эмира, Мелек эмирын, и визиря, одного из сообщников Бехрама паши и эмиры Зейлихи, он никогда не тяготился тенью, брошенной предательством его отца. Доказав непричастность себя и матери к заговору помощью в разоблачении предателей, он остался предан своему двоюродному брату.

А между тем, ни он, ни эмир Ибрагим, ни гордящийся своей проницательностью Мурад паша и не подозревали, что уничтожены были не все люди эмиры Зейлихи. Самый могущественный из них до сих пор заседает в совете дивана и не намерен отказываться от своих замыслов.

– Очень... впечатляющий обычай, – заметила герцогиня Розамунда, дослушав Карима хана эфенди. – Ваша страна полна старинных традиций, и это весьма интересно. Наде-

уюсь, у нас будет время прогуляться, хан эфенди, и вы покажете мне и храм, и знаменитый Колодец.

– Я весь в вашем распоряжении. – И Карим снова приложил руку к груди, и в его жесте сквозило откровенное восхищение. А бедняжка Хильдегарда надула губы и отвернулась. Тяжело находиться рядом с такой очаровательной родственницей. Всем претенденткам повезло, что илехандская герцогиня замужем, иначе имя невесты эмира Ибрагима стало бы известно задолго до путешествия к Небесному Колодцу. И мнением Мелек эмирын правитель Суриды вряд ли бы поинтересовался.

V

– Охрана вокруг оазиса выставлена, повелитель. Низамуддин ага лично занимался этим и уверил меня, что никто не пройдет сквозь оцепление. Ваш шатер тоже охраняется, как и место, где разбили шатры ханым.

– Спасибо, Доган паша, – кивнул Ибрагим. – Передай Мураду паше, что ужинать я сегодня буду с ним.

Хватит мучить себя бесконечными трапезами с претендентками. Пусть наслаждаются своим ужином и игрой музыкантов в компании тетушки Мелек и друг друга. Последний вечер перед ритуалом у Колодца эмир проведет так, как захочет. К тому же посоветоваться с Первым Визирем будет не лишним. Пока все шло хорошо. На взгляд Ибрагима, даже слишком.

Остаток дня эмир в сопровождении Омера паши провел в местной церквушке. Он отметил царивший там порядок, полюбовался на тщательно выбеленные стены и сверкающий над алтарем цветок лотоса из белого золота, символ Шаллиах. Пришлось выслушать о делах и нуждах почтенного отца настоятеля, пока Омер паша раздавал от имени эмира милостыню нескольким нищим, нашедшим здесь кров и еду.

Вечером Ибрагима нашел Карим и настоял на том, чтобы пострелять из лука.

– Люблю это место, – говорил двоюродный брат, небрежно целясь в небольшие щитки, повешенные янычарами на деревья. – Надо чаще бывать здесь. – Стрела вылетела из лука и со стуком вонзилась прямо в центр мишени. – Прекрасно.

– На твое счастье пришло время моей женитьбы, – сказал Ибрагим, медленно поводя луком вверх–вниз, хотя знал, что такой точный выстрел, как у Карима, ему не сделать. Сын тетки не зря слыл самым метким стрелком среди членов династии.

– Не грусти, Ибрагим, – засмеялся Карим, и стрела ушла чуть правее. – Завтра в это же время ты уже будешь на пути во дворец.

– Если только не случится того, чего так боятся паши, – пробормотал эмир, наугад выпустив еще одну стрелу, которая угодила в самый край мишени. – Проклятие...

– А чего они боятся? – улыбка на смуглом лице Карима

померкла, и он, опершись на свой длинный лук, внимательно посмотрел на эмира. – Неужели попытки срыва ритуала или, не дай Шаллиах, покушения?

Ибрагим коротко взглянул на него и промолчал.

– Ты поэтому привез с собой Касыма? – продолжал Карим. – Или дело в Лейле ханым?

– Похоже, все знают, что Дикая Пчела отправила мне воспитанницу, – устало прикрыл глаза Ибрагим.

– Послала юную девушку убить тебя? Однако... – Карим осекся, смотря куда-то за плечо эмира.

К ним направлялся Касым. Приблизившись, он обвел родственников настороженным взглядом.

– Мне сказали, что вы стреляете, и я захотел присоединиться. Только....

– Принесем тебе лук послабее и поможем вспомнить, как это делается, – быстро сказал Карим, жестом подзывая одного из янычар.

Ибрагим ободряюще улыбнулся брату, чувствуя гнетущую тяжесть в груди.

За ужином Мурад паша, отложив приборы, озадаченно посмотрел на эмира.

– Я был уверен, что мы выследили и поймали всех предателей, повелитель, – медленно произнес Первый Визирь.

– Был?

– До того, как вы спросили меня.

– Но ведь это возможно? – сам не понимая своей тревоги, настаивал Ибрагим. – Что один из сообщников моей мачехи до сих пор сидит во дворце, а в данный момент находится здесь, с нами?

– Возможно все, повелитель, если на то есть воля Шаллиах, – вздохнул Мурад паша, снова принимаясь за забытый ужин. – Если кто-то и остался, то причиной могут быть лишь две вещи: или этот человек слишком мелок, слуга или стражник, или, наоборот, слишком велик.

Ибрагим почувствовал, как внутри у него все похолодело.

– Мурад паша, – тихо прошептал эмир, подаваясь вперед, – если ты говоришь о том же, о чем думаю я, то у нас всего две кандидатуры.

– Доган паша и Омер паша, – в тон ему ответил Первый Визирь, и его лицо словно закаменело, как было всегда, когда он глубоко задумывался над чем-то очень важным. – Ваш сираскер и ваш верховный кади, повелитель. Оба входили в совет дивана вашего покойного отца и благополучно пережили все потрясения, ничем не запятнав себя.

– Если это Доган паша, то дело плохо. – Ибрагим, окончательно замученный мрачными предчувствиями, перешел на шепот. – Низамуддин ага, глава янычар, его человек.

Громко звякнул прибор о тарелку, Мурад паша моргнул, покачал головой и выпрямился. Черты его лица разгладлись.

– Повелитель, мы ищем унесенный ветром песок с вер-

шин барханов, – рассудительно произнес Первый Визирь. – Если мы дадим волю нашим страхам, то любой из пашей, даже заступивших на должности после вашей коронации, может оказаться предателем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.